

ЭКСПЕДИЦИЯ ВО МРАК

II ЧАСТЬ – ЛИЦОМ К ЛИЦУ С ПРОПАСТЬЮ

1. РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД БЕЗДНОЙ

5. СТРАТЕГИЯ УСПЕХА

Давно известно, что из любого положения всегда есть, как минимум, два выхода.

Насладившись вариантом, предложенным советским спелеотуризмом и не имеющим аналогов нигде в мире, трудно не задаться вопросом: а собственно, почему? Отчего это мы снова оказались в одиночестве? Даже страны, так называемого "соцлагеря", и то переметнулись. Поляки, чехи, венгры, хорваты – все постепенно брали на вооружение западноевропейскую школу вертикального кейвинга.

– Что касается болгар, – сказал как-то москвич Виктор Козлов, больше известный в спелеологической среде под прозвищем Капрал. – Что касается болгар, например, так они не оттуда берут. Надо с Востока брать, а они с Запада нороят!

Дело в том, что приехавшие на Алек осенью 85-го года болгарские спелеологи разительно отличались от нас не только по своему снаряжению, но, прежде всего – принципиально иным взглядом на технику и тактику спелеоисследований.

Тут, видимо, пришла пора заглянуть еще в одну дверь – с табличкой "Тактика спелеоисследований".

Интересно? Как хотите, но заглянуть придется.

Как любили говорить в эпоху развитого социализма: "Колхоз – дело добровольное: хочешь – вступай, не хочешь – расстреляем".

* * *

Во времена "верхней страховки", когда хорошим тоном считалось наличие второй страховочной веревки в надежных руках товарища по штурму, остро выступила не только "проблема первого". Кому идти первым – самому умелому или самому главному, решалось по обстановке и особых дискуссий не вызывало.

Идти первым – это честь и азарт! Это первые следы на терра инкогнита.

Что объяснять? Каждый из нас чувствует особый романтический аромат самого слова – первопроходец. Так что с первыми всегда было в порядке. А вот с последними...

Как ни планируй, но наступал момент, когда все товарищи по штурму уходили ниже, а над колодцем оставались двое последних. И кто-то из них должен был стать страхующим.

Что это значило для страховщика? Конец продвижения вперед и начало длительного ожидания на опостылевшей полке. Почетно, что тебе доверили страховку, слов нет, но...

А потом группа подходила к следующему колодцу, и новый страхующий сурово приступал к своим обязанностям, чтобы после того, как все уйдут ниже, в одиночестве коротать над колодцем бесконечные часы ожидания.

Не нужно иметь богатое воображение, чтобы почувствовать всю обреченность этой первобытной тактики.

Росли пещеры, возрастало число отвесов в них – катастрофически увеличивалась нужда в добровольных узниках страховки. Появилась как-то даже песенка на детский мотив, но очень верно передающая суть этого явления:

"Вместе весело шагать

по колодцам,

по колодцам

обводненным,

А пещеру штурмовать –

так уж ротой

или лучше –

батальоном!"

Решившись на самостраховку, мы будто воздуха свежего плотнули. Вдруг на дно пещеры разом смогли попасть все!

О, это сладкое слово – Свобода!

Теперь по колодцам несло:

– Дошел. Рапель свободна, страховка свободна.

– Понял. Пошел!

Стоило освободиться веревкам на отвесе, вниз или вверх сразу же уходил очередной участник. Один, второй, третий.

– Сто-оп!

– Что та-ам?

– Борода-а! Мать...ать...ать...ать!

Значит, все. Приехали. Теперь можно покурить, пока не распутается "счастливец", въехавший в бороду из спутавшихся между собой рапели и страховки.

А тут еще мешки...

И пока мы курим на уступе, ожидая, как же очередной собрат выпутается из очередной бороды, давайте поближе познакомимся с еще одним спелеоперсонажем, который внес серьезные коррективы в развитие тактики и стратегии штурма подземных великанов.

Имя ему – Транспортный Мешок.

* * *

Да-а, все бы ничего, но вот мешки! От экспедиции к экспедиции они плодились и множились со страшной быстротой. Особенно, когда речь заходила о сверхглубоких пропастях, вроде Снежной.

Именно в Снежной зародилась особая тактика штурма, в просторечье получившая название "морозовской", по имени ее основоположника Александра Игоревича Морозова.

Морозов исследования Снежной вел капитально. В условиях нескончаемых снежинских глыбовых завалов на быстрый успех в поисках прохода через этот каменный хаос рассчитывать не приходилось. Морозовцы и не рассчитывали. Прицел делался не на лихой штурм, а на длительную осаду.

Что нужно, чтобы работать в пещере неделю? Много нужно. Одним словом это называется достаточно научно – жизнеобеспечение. Здесь продукты и витамины, рукавицы и спички, свечи, лампочки, батарейки на все время – все, вплоть до туалетной бумаги, должно быть предусмотрено.

Чтобы не искать в кромешной темноте пещеры нужный мешок, а в нужном мешке нужные продукты, было рождено понятие "модуль" – стандартная упаковка жизнеобеспечения на определенное число подземных или наземных человеко-дней.

Положим, что наш модуль рассчитан на 8 человеко-дней. Это значит, что четвером мы можем припеваючи жить двое подземных суток.

Заметим, что подземные сутки в морозовской тактике существенно отличались от астрономических и обычно были длиннее. Работали по 20, 30, а то и по 40 часов с короткими передышками для принятия пищи, затем ставился подземный лагерь, где, наконец, готовилась хорошая полноценная еда. После холодных и горячих "перекусов" на маршруте – это казалось уже раем!

Понятно, что далее следовал сон. Это был, так называемый, "первый сон". Бывало, что он продолжался 16–20 часов. Затем следовало пробуждение от голода, еда, короткий отдых в бодрствовании, снова еда и "второй сон", несколько меньшей, чем первый, продолжительности. Позавтракав после второго сна, можно было уже достаточно спокойно приступать к новому рабочему дню морозовской протяженности.

* * *

Имея в распоряжении модульное жизнеобеспечение, было уже проще рассчитать количество мешков, необходимое для штурма.

Итак, на неделю подземной работы на четверых нам понадобится три с половиной модуля жизнеобеспечения.

А на месяц?

Мешков 14–15.

Длиннейшая из экспедиций Морозова зимой 81–82 года продолжалась чуть ли не три месяца.

Подсчитываем количество модулей с продовольствием, плюс десяток мешков со снаряжением: веревками и т.п., плюс подземный лагерь с палатками, спальными

мешками, теплоизолирующими ковриками и кухней, плюс личные вещи каждого участника...

Получалось, скромно сказать, немало. И все это – на четверых.

И самое неприятное, что весь этот груз надо было как-то перетаскивать по пещере!

Чего только не придумывали. Прибегали к предварительным ступенчатым заброскам силами вспомогательных групп: модули затаскивали в пещеру и прятали в специально подготовленных и тщательно замаскированных местах. Зато в решающей фазе экспедиции принимало участие очень ограниченное число спелеологов – с тем, чтобы обеспечить, как можно более длительное, пребывание штурмовиков под землей.

Все это давало свои плоды, но, как бы там ни было, работа по "морозовской" тактике все больше приобретала характер затяжного и мало эстетичного таскания тяжестей по пересеченной местности.

Лично мне, с тремя товарищами, приходилось ползти по Снежной в компании с 36-ю транспортными мешками.

Очень сильные впечатления! Большого маразма в кейвинге мне не встречалось.

Но что было делать? Ничего более совершенного в то время мы предложить не могли.

Не допирали.

* * *

Таскать по пещере транспортировочные мешки – это не рюкзаки по горам носить. Здесь нужна особая техника.

Чаще всего группа растягивается цепочкой и передает мешки с рук на руки: так сказать, в перекидку.

В процессе этого занятия рождались специфические термины: например, "пункт накопления мешков" – сложить в узком меандре, в завале среди глыб или на маленькой полочке над колодцем несколько десятков мешков – это надо уметь. Такие места даже специально отмечались на схемах пещеры загадочными буквами "ПНМ". При этом по ходу транспортировки мешки приходилось постоянно пересчитывать: потерять транспортник в такой мешанине – раз плюнуть!

По колодцам мешки спускали и поднимали веревкой (той же самой, кстати, по которой спускались и которой страховали свою жизнь при подъеме по тросу!)

На какие хитрости только не пускались, чтобы облегчить этот сакраментальный процесс!

"Подъем мешков по троллею", "подъем мешков с сопровождающим", "подъем мешков противовесом"...

Как в почтенные времена лестнично-веревочной техники, группа то растягивалась по уступам, чтобы тащить и отцеплять бесперечь застревающие мешки, то снова собиралась в цепочку, чтобы перебрасывать их с рук на руки.

Естественно, что чем больше было мешков, тем медленнее продвигался подземный караван. Чем медленнее он продвигался, тем больше времени требовалось ему, чтобы достичь дна пещеры. Чем больше времени требовалось для выполнения этой задачи, тем больше мешков с жизнеобеспечением нужно было взять с собой. Чем больше мешков – тем медленнее движение...

Проблема постепенно превращалась в замкнутый круг. Единственное, что оставалось делать, это увеличивать продолжительность рабочего дня, работать на износ, теша себя иллюзией, что так мы будем продвигаться быстрее.

Блажен, кто верует! Чем длиннее становились рабочие дни, тем больше времени требовалось нам для восстановления сил в подземных лагерях. Природу не обманешь.

Вот, для примера, скупой хронометраж экспедиции "Снежная-81". Читаю свой полевой дневник:

"13 июля, понедельник. Ну, и, конечно, наш выход. Уходим в пещеру в 14.00. Нас четверо и шесть мешков. За три часа спустились на 200 метров вертикали Ледовой части. Спускался с двумя мешками..."

Володя Демченко ведет телефонную линию, чудом разбираясь в путанице проводов, оставленных прошлыми экспедициями. В Большом снежном зале сменили свет".

Пока продвигаемся почти цивилизованно, транспортируя мешки на себе, о чем говорит довольно приличная скорость нашего спуска.

"Следующие 100 метров вертикали идем 3 часа 45 минут и в 20.45 мы на дне Кораллитового колодца. Решено устроить перекус, все-таки движемся уже 7 часов. Сварили гречневую кашу без соли, так как взять с земли соль мы забыли, а модули вскрывать еще не время. Сидим под полиэтиленом, греемся свечками и гексой (сухим горючим). Затем надеваем гидрокостюмы и продолжаем движение. Итого на отдых ушло 4,5 часа".

Совершенно неоправданные потери времени и сил. Мы уже выбились из привычного суточного ритма – на часах глубокая земная ночь. Но самое главное еще впереди.

Наша цель – Университетский зал на глубине –480 метров. Теперь от места нашего "перекуса" в Галерее нам предстояло пройти 180 метров вертикали каскада Большого колодца Снежной. Без всяких узостей, сложного лазания, других неприятностей – просто четыре ступени одного большого колодца. Казалось бы – что может быть проще и желаннее для кейвера-вертикальщика?

Но нет. Если первые 300 метров (с локальными узостями, меандрами, колодцами и т.п.) пещеры мы, вчетвером с шестью мешками, проходим за 7 часов, то наверху Большого колодца нас ожидает вся свора транспортников в количестве 30 штук. Плюс наши шесть.

И началось...

"Уже 14 июля, где-то 1.30. Все 35 мешков (один содержал веревки и был опустошен при навеске), спущены на 20 метров в Предколодец. Управились за час.

Демченко-старший уходит на 70 метров ниже на Черный уступ, а мы все еще толчемся на дне Предколодца. Скоро уже 5 часов, как мы здесь. Спускать мешки на Черный уступ начали только в 3.30: что-то там у Володи запуталось на Черном уступе..."

Понятно – что. Мы применяли трос-веревочную технику!

"...Наконец, пошло веселей. Я подтаскивал мешки к щели входа в Большой колодец, Резван подавал, Олег Демченко спускал мешки вниз. Шестидесятиметровый спуск к Черному уступу начинается черной зияющей щелью. Над этой щелью на распорах носили мешки, перекуривали и даже спали. Я тоже с полчаса подремал.

"На заре ты меня не буди, в голове у меня бигуди..."

Дует здесь невероятно!

В 7.20 наверху остаемся только мы с Олегом – все рукавицы пожгли веревкой, спуская наши милые мешочки. И вот, наконец, мой спуск.

Весь путь до Черного уступа приходится спускаться в свободном висячем положении вдали от стен, будто в гигантском колоколе. Где-то внизу – страшно далеко – огоньки. Крутит по черному!

Черный уступ – он черный и есть. Едва выходишь на спуск, сразу же начинаешь вращаться вокруг рапели (Тогда и невдомек было, что все дело в рогатке!). Чтобы не запутаться от этой карусели, Демченко оттянул трос в сторону, и спускаться приходится по одной веревке, без самостраховки. Страшно, неудобно, но иначе и совсем труба – запутались бы напрочь.

Метров через десять от начала спуска по голове начинает барабанить ручей. Весь дальнейший спуск проходит в сверкающих брызгах. Иногда снизу, из темноты, незримо вращающейся кругом, корявым чудовищем выплывает фантастический скальный зуб и беззвучно, по спирали, канет где-то вверх.

Руки устали держать веревку. Очень потом болели, когда на Черном уступе снял резиновые рукавицы (видно, со страху).

На Черном уступе есть одно место, где почти не капает. Пристегнувшись к крючьям, забились с Олегом в эту крохотную нишу, высушили по паре пальцев, добыли сигареты, спички и закурили. Дым уносит ветром куда-то вверх, навстречу падающей сверху водяной взвеси.

Отсюда же вдоль стены спускаем мешки на 55 метров ниже – на Желтый уступ. На этом пролете операция по спуску мешков занимает 3 часа, и где-то в 10.30 последним уложу вниз. Спуск почти сухой, если не считать брызг со стены и душа под самый конец: есть там, метрах в семи, у дна полочка, где так любят застревать мешки".

Девять (!) часов понадобилось нам, чтобы спустить 35 мешков и спуститься самим на 115 метров к Желтому уступу. Мы не спим уже больше суток, проводя все

время в напряженной работе в условиях 100-процентной влажности, падающей сверху воды, темноты, усталости, рассогласования суточных ритмов, страха перед одинарной веревкой, по которой нам приходится спускаться. Риск падения в случае обрыва одинарной веревки кажется нам менее страшным, по сравнению с удовольствием надолго зависнуть под ледяным душем в "бороде" из безнадежно скрученных рапели и страховки. Выбор однозначен: риск – дело благородное.

Оно, конечно, благородное, но, не знаю, как остальным, а мне страшновато.

И вот мы на Желтом уступе, но дело на этом не кончается. Даже если бы мы захотели бросить все – мы не имеем такой возможности. Мы обречены двигаться вперед и вниз до Университетского зала, где есть площадка, пригодная для установки подземного лагеря.

"Желтый уступ просторнее и как-то светлее Черного. Недаром – Желтый. Одна неприятность – капель бьет прямо в рабочую площадку, откуда мы с Резваном спускаем в разверстку бездну Университетского зала сразу по четыре мешка. Отсюда до дна Большого колодца 45 метров чистого отвеса вдалеке от стен. Время утрачивает реальность, мы уже изрядно отупели от этой монотонной работы, холода и голода.

Но вот мешки спущены, теперь наступает наша с Резваном очередь. Снова спускаюсь в свободном отвесе. Стен вокруг даже не видно. На голову с шумом валится ручей. Приземляюсь среди развалов огромных глыб, выбираюсь из-под ручья, отстегиваюсь от веревки. На моих часах – 13.15. С последним отвесом управились даже быстрее, чем за три часа.

Все. Мы на месте. Теперь ставим базу и спим".

Итак – классический снежинский день близится к завершению. За 23 часа мы сами спустились на 480 метров и попутно перетаскивали 30 с небольшим мешков на 180 метров по вертикали. После такой работы никто не страдает отсутствием аппетита или бессонницей. Как у нас говорят: "Плохо поешь – плохо поработаешь. Хорошо поешь – хорошо поспишь!"

* * *

Завершая повествование о том снежинском дне, хочу поделиться одной историей, косвенно связанной с жизнеобеспечением. Группа "Снежная" прославилась не только достижениями в области спелеотактики, но и рядом изобретений прикладного характера. В частности, с легкой руки снежинцев, особую популярность приобрели подземные кухни на сухом горючем, так называемые "гексогазы". Простейший гексогаз представлял собой алюминиевое доньшко с асбестовой термоизолирующей прокладкой, где сгорает сухой спирт – в просторечии "гекса", и металлического тонкостенного цилиндра с прорезями для вентиляции, на который устанавливается кастрюля. Все сооружение накрывается стеклотканевым чехлом. Вариво доводится до кипения, после чего, в целях экономии горючего, кастрюлька перемещается в термическую баню-термостат из поролона, где и доходит до готовности.

Горючего для продолжительных кавказских спелеоэкспедиций требовалось изрядно. Рассказывают, случилось так, что однажды железнодорожное начальство воспротивилось перевозке по железной дороге партии сухого спирта, предназначенного для снабжения одной из снежинских операций. Дело принимало крутой оборот и грозило срывом экспедиции. Тогда предприимчивые спелеологи поехали с вокзала на завод, и уговорили главного инженера выдать им справку следующего содержания:

"Настоящая справка выдана в том, что сухое горючее нашего завода НЕ ГОРИТ".

И что вы думаете? Пропустили!

Участники событий могут внести свои коррективы.

* * *

В той памятной экспедицией родилась весьма специфичная "Песенка Модульеро", записанная мной в том же полевом дневнике.

Итак, пробил наш час – пора на Дно.

Но силы наши явно не равны:

Нас девять – тридцать их, сейчас пойдет кино!

И наши чувства, как мешки, полны.
 И вот я третий час на леднике
 Пропитываюсь медленно водой.
 Стучит зубами Леша в уголке
 И кроет модуль в несколько рядов.
 Мешки глядят надменно – им смешно:
 Уродуемся мы, а не они.
 В стене зияет черное окно,
 И капает капель за воротник.
 Так хочется поддать мешок ногой –
 До Конуса, чтоб всем чертям назло!
 Но нет, сгибаюсь снова я дугой
 Под модулем, как будто под седлом.
 Я выхожу на полку – он на мне!
 И тридцать братьев радостно глядят,
 Как я сначала пристегну к стене
 Мешок, а после – застрахуюсь сам.
 Так хочется пустить его в накат:
 Вот так бобслей – и никаких забот!
 Но нет, Андрей с Татьяною глядят! (*122)
 И модуль на веревочке ползет...
 Отводим душу только на снегу –
 Вздыхая брызги катятся мешки.
 Нет. Я так больше напрочь не могу!
 В желудке в фигу скручены кишки.
 Мы модули корячим в Шкуродер:
 Я на камнях, а он, подлец, на мне!
 За лямку бы его, но строг Андрюхи взор –
 За лямку можно только лишь на Дне. (*123)
 Мы – модульеро. Наш закон суров.
 И обрывая мертвую петлю,
 Он с наглой рожей мчится, он здоров!
 Я падаю, но я его ловлю.
 Я грязен, я оборван, я смешон,
 Но модуль сохранил свою красу...
 Эх, превратиться бы хоть в плохонький мешок!
 Пускай меня отсюда унесут!
 Это был июль 1981 года – расцвет эпохи "тотальных штурмов" тактикой
 "турпохода".
 Для непосвященного – абракадабра.
 Для посвященных – песня с непечатным подтекстом.
 * * *

Тактика глобального таскания мешков постепенно заходила в тупик. Надо было найти какой-то выход из этого отупляющего действия, придающего кейвингу оттенок мазохизма (*124).

Отерев пот, спелеогрузчики приступили к еще более трудному процессу – мыслительному.

И пока они морщат ум, мы развлечемся таким невероятно интересным явлением как "летающие мешки".

Сам по себе "летающий мешок" не представляет собой ничего примечательного. Вероятность того, что тот или иной мешок вдруг обретет крылья, никогда не исключена. Но с увеличением общей численности мешочного поголовья пропорционально возрастает и число их летучих представителей. Вот тут держи ухо востро!

Обычно мешки летают не по воле своих хозяев, а напротив – вопреки ей. Этот удивительный факт отмечают многие исследователи. Например, Данила Усиков.

"...Площадка, на которой Данила складывал мешки, была небольшой, и к тому же располагалась на ледяной арке, не казавшейся слишком прочной. Работать было неудобно, а тратить время на благоустройство – жалко. Не исключено, что Данила от недельного контакта с бесшабашной молодежью потерял часть своей бдительности. Одним словом, очередной мешок врезался в уже отцепленный, выбил его из гнезда, и

тот прыгнул в колодец. Потом мы узнали, что он спланировал на глубину ни много, ни мало – 200 метров! И упал прямо на снежный конус Большого зала. По дороге мешок опасно просвистел мимо Володи Трифонова, который в это время перевешивал лестницу из-под Кривого колодца. Видимо, мешок упал дном. От удара взорвались две пачки молока и одна – картошки.

Мешки летали, как никогда. На спуске по второму этапу (привходовой снежник – Ледовый зал)... один из мешков вдруг оторвался (развязалась вздержка: после этого случая мы твердо решили не экономить на веревочках-вздержках). Сиганул мешок с чемоданом медикаментов и хирургических инструментов Севы Ещенко. Мешок-чемодан, к счастью, не задел никого. А летел он мимо Виктора, Севы и Саши. Быть убитому лекарством – в наше время уже не смешно. Этому мешку не удалось спрыгнуть в Большой зал, и он застрял в нелепой позе на откосе над Кривым колодцем. Из тысячи мелочей, которые Сева пожелал иметь в подземном лазарете, разбились только ампулы с кутгудом в спирте и, почему-то, пузырек с марганцовкой. И опять благодаря случаю, эти вещества не соединились. Вспыхнувший пожар был бы красивым финалом операционной в чемодане!" (*125)

В 83 году на входном колодце Снежной от перил отстегнулась связка – рюкзак и станок (*126). Вот где мы воочию увидели, как отстегиваются карабины без фиксирующих муфт при вращении пристегнутого на них груза вокруг натянутой веревки! Рюкзак и станок бесшумно канули в узкий снежный колодец в конце фирновой катушки – той весной вход в Снежную протаял очень узенькой дырочкой. Каково же было наше удивление, когда, спустившись в этот колодец и попав на коренной лед, мы не обнаружили беглецов!

Первые следы появились в 100 метрах ниже: над Кривым колодцем сиротливо торчала из снега дужка от примуса.

В нашем рюкзаке действительно лежал примус. Но рюкзак был качественно зашнурован и застегнут на все ремни...

Сгорая от любопытства, мы продолжили спуск. Наконец, наше терпение было вознаграждено – пролетев 200 метров, мешок поджидал нас у основания снежного конуса в Большом зале.

Нетерпеливо развязали мы все многочисленные завязки и застёжки злополучного рюкзака: примус был цел! Если не считать того, что неведомая сила загадочным образом сняла и туго нахлобучила его крышку на доньшко котелка, в который примус был упакован. Ну, и не хватало одной дужки – той самой!

Рюкзак нашелся, а вот отличный титановый станок будто в землю канул. Поискали, погоревали, да так и ушли вниз, погрешив на кажущиеся бездонными ледяные колодцы, пробитые каплей в конусе Большого зала.

На обратном пути поставили лагерь в том же Большом зале у подножия снежного конуса. Прошло дней десять нашего пребывания в пещере, и что там за погода на земле – было неясно. Ночью несколько раз грохотало и ухало на ледовой части. Видимо, срывались в колодцы подтаявшие наверху глыбы льда.

Наше подземное "утро" наступило около 10 часов вечера по астрономическим часам. Собираем лагерь, пакуем многочисленные мешки и начинаем вытаптывать ступени для подъема на снежный конус. И тут натываемся на наш станок – свеженький, будто только что свалившийся откуда-то с неба!

Редкое везение, если учесть, что весь извлеченный из пропасти груз нам еще предстояло спустить с гор к морю.

Не всегда полеты мешков обходятся столь благополучно.

Ходят легенды, что где-то под тем же снежно-ледовым конусом покоится сказочно дорогой мешок с уникальной фотоаппаратурой. Мешок трагически покинул своих хозяев в одной из снежинских экспедиций да так и не вернулся.

* * *

В поисках альтернативы изнурительному тасканию мешков мы не могли пройти мимо "динамической" техники штурма вертикальных пропастей.

Слухи о динамической технике (она же – корделетт) доходили до нас давно. Если все, о чем мы говорили до этого (и что можно в известном приближении назвать статической техникой), подразумевает наличие у исполнителей крепкой нервной системы, то "динамика" и подавно требует хороших навыков подземной эквилибристики.

Коренной постулат динамической техники прост, как правда:

"По пещере лучше всего ходить налегке!"

Отсюда логично вытекает второй постулат:

"Суммарный вес двух веревок равной длины всегда тяжелее любой из них, взятой в отдельности!"

Но и это еще не все. Аполотеты динамической техники пошли дальше, ставя вопрос ребром – если и брать в пропасть веревку, то не просто одну, а одну единственную! Равную глубине самого большого колодца этой пропасти. При движении вниз эту веревку надлежит сдергивать за собой, оставляя на ее месте нечто потоньше – легкий прочный шнурок, с помощью которого при возвращении надлежит (есть такой шанс!) вернуть на место корделеттную веревку.

Как известно, шнур на латиноязычии – cord, отсюда и название динамической техники – корделетт (cordelette, по-французски, если не ошибаюсь).

И снова корни уходят во Францию. (Не знаю, как Вам, мой уважаемый Доброжелательный Читатель, а мне это уже порядком надоело). Но против истины не пойдешь.

Впервые технику вытягивания с помощью шнуров и веревок чего бы вы думали? – Лестниц! – применили Пьер Шевалье и его группа. Однако поднятые на колодец, их лестницы оставались висеть на этих не слишком прочных шнурах, пока смельчаки поднимались по отвесам. Происходило это в самом начале 60-х годов XX столетия.

В 1962 и 1965 годах последовательное вытягивание шнуром веревки, а затем веревкой – лестницы, применили в предгорьях Альп спелеологи группы Ж-К.Фрашона.

В 1971–72 годах этот вопрос был тщательно изучен Тулонским клубом Абим (*127). Вот о чем недвусмысленно предупреждает один из участников того проекта Даниэль Мартинес:

"Эта техника требует высокой технической подготовленности и предполагает специфичные условия прохождения (например, в случаях узких пещер, пропастей, требующих большого количества снаряжения, или в целях сольных прохождений). Перед использованием под землей следует:

- обязательно изучить эту технику на скалах;*
- избегать веревок, впитывающих воду – они сильно тяжелеют;*
- не пользоваться описанной техникой в колодцах глубже 40 метров;*
- иметь ввиду, что на колодцах, разбитых уступами, трение неизбежно;*
- ТЕХНИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ УЧАСТНИКОВ ДОЛЖЕН БЫТЬ ОЧЕНЬ ВЫСОКИМ!"*

Так-так. Нас не запугаешь. Тоже кое-какой опыт имеется!

В начале 60-х, практически одновременно с французами, пробуют продергивать лестницы по колодцам в своей пригородной пещере Торгашинская – красноярцы. По слухам, что-то получалось. Но то ли не совсем все-таки получалось, то ли впечатления оказались слишком сильными... Как бы там ни было, но красноярцы от динамической техники отказались и больше про нее не вспоминали.

Но: вирус посеян – вирус будет жить!

В середине 60-х группа некоего Панова пробует корделетт в пещере Школьная на хребте Алек.

Ау! Где вы, первопроходцы? Результаты неизвестны.

Но вирус жил!

После длительного перерыва в начале 80-х корделеттом заинтересовались челябинцы. Многократные победители Всесоюзных соревнований по спелеотехнике, челябинские кейверы всегда тянулись к спортивной стороне спелеологии. Челябинские группы проходят корделеттом, правда, не до конца, алекские пещеры Заблудших и Ручейную.

По непроверенным данным в 1981 году московская группа под руководством Полуянова применяет шнур в экспедиции в пещеру Парящая птица на массиве Фишт. Неизвестно, удалась ли та попытка применения корделетта, но эта экспедиция, успешно справившись с подземной частью программы, потерпела страшную катастрофу при возвращении – на поверхности. Из-за резко обострившихся погодных условий,

обильных снегопадов, а главное – неготовности к такому повороту событий участников и руководителя, при спуске с плато из 6 членов группы в живых остались только трое. Остальные трое замерзли.

В 1985 году москвичи группы Е.Снеткова получают незабываемые ощущения, за 11 часов пройдя техникой шнура пропасть Каскадная в Крыму (–400 метров).

Если не считать попытку нашей группы годом раньше, в сентябре 1984 года, пройти корделеттом пропасть Напра на Бзыби, то известная мне история динамической техники в СССР на этом исчерпывается.

* * *

Наша экспедиция в Напру достойна того, чтобы о ней рассказать чуть подробнее.

В сентябре 84 года на Бзыби нас собралось 9 человек: руководитель команды Володя Резван из Адлера, Эрик Лайцонас и Раймондас Данюнас из Каунаса, Сергей Ткачев из Уфы, Сергей Киселев из Челябинска, Олег Шищенко, двое девушек – Лена Аксенова и Люба Толстикова и автор этих строк – из Усть-Каменогорска.

Специалистом по технике шнура у нас был Киселев. Киселев работал корделеттом на Алеке в составе упомянутых челябинских экспедиций и был известен в спелеологических кругах под емким прозвищем Кес.

Перелистываю густо исписанные странички полевого дневника. Если приложить блокнот к лицу, то можно уловить запах старой бумаги, пыли, еще чего-то знакомого, но навсегда забытого – тонкий запах Прошлого...

Итак...

"19 сентября 84 года. Наш второй выход в Напру. Предыдущий оставил массу впечатлений и принес смутное ощущение, что мы все делаем не так. И тем не менее мы продолжаем.

В 14.00 мы вчетвером: Резван, Ткачев, Кес и я уходим вниз. Несем 5 транспортников со снаряжением".

Вот и вторая наша ошибка – куда столько груза при корделетте?

Вы спросите, где же первая? А вот она. Нас слишком много: вниз идет четверо плюс двое каунасцев, которые спустились днем раньше и ожидают нас в гамачном лагере на отметке –270 под 38-метровым колодцем.

Толпой по шнуру не ходят. Знал ли об этом Даниэль Мартинес, если не предупредил?

"Поначалу продвигаемся очень быстро. Резван с Ткачевым идут впереди, сдерживая свою веревку напрочь. Сзади идем мы с Кесом с другой веревкой и шнуром. Сдерживаем веревку и навешиваем шнур.

На отметке –180 подбираем 5 модулей с продуктами, заброшенных туда в предыдущий выход. Теперь нам приходится тащить 10 мешков на четверых, и наша скорость несколько падает.

Подходим к 30-метровому колодцу. В предыдущий выход здесь у нас возникали проблемы со шнурком – Резван попытался проложить шнур по колодцу одновременно со спуском, в итоге шнурок затянуло в его рогатку. Вовка выпутывался долго, но в итоге все обошлось. На этот раз решаем с Кесом не искушать судьбу и оставляем на "тридцатке" стационарную веревку. Причем одну.

С этого момента начинается мое одноверевочное путешествие по Напре..."

Здесь, над 30-метровым колодцем, мы еще раз почувствовали, что в нашей тактике полно натяжек и прямых ошибок. Приученные ходить по спаренной веревке: рапель плюс самостраховка, мы уперлись в проблему "последнего".

Идущие впереди привычным образом спускались по рапели, самострахуясь за вторую веревку. Но последний в группе был вынужден спускаться по одинарной веревке, которую потом заменяли на шнур. Этому альтернативы не было. Разве что на каждом отвесе продерживать сразу две веревки, что и вовсе представляется маразмом.

Мало того. На обратном пути проблема "последнего" превращалась в проблему "первого". Кому-то надо было первым подняться по возвращенной на отвес и установленной при помощи шнура одинарной веревке, чтобы сделать потом для всех остальных членов группы привычную нам двухверевочную навеску.

Этим последним, а на подъеме – первым, стал я, благодаря определенным преимуществам, которые обнаружились у меня перед остальными.

Во-первых, у меня к этому времени уже был психологический опыт спуска по одинарной веревке в Большой колодец Снежной. Но этим мог похвастать и Резван.

Во-вторых, и это было решающим, в отличие от своих товарищей по штурму, я применял для подъема систему снаряжения по схеме "рука-рука", то есть работал на длинных стременах, передвигая зажимы руками. По сравнению со "стопа-коленщиками", к числу которых принадлежали все остальные члены экспедиции, моя система позволяла передвигаться по отвесам более мягко и маневренно, что при корделетте вообще, а в наших условиях особенно, было очень важно.

Преимущества – преимуществами, а психологически это было непросто.

...Наконец, обремененные мешками, спускаемся в лагерь –280, где нас ожидают Эрик и Раймис. Каунасцы устояли в борьбе с гамаками и встречают нас ужином.

38-метровый колодец, на дне которого расположен этот грот, тоже продергиваем, оставляя вместо шнура тонкую стропу повышенной прочности – все-таки колодец почти 40 метров, а это предел для корделетта по французским рекомендациям.

Теперь нам предстоит пройти очень интересное место – короткий завал с лабиринтом ходов между глыб, затем 20-метровый колодец с узким щелевидным входом и следом самый большой колодец пещеры – 65-метровый "Гран При".

Собираем лагерь и обнаруживаем, что на шестерых имеем 13 мешков...

Строчки из дневника:

"20 сентября, 2.00. Продолжаем движение вниз. Щель над колодцем оказалась вполне проходимой, но все же потеряли время на протаскивание и спуск мешков. Несмотря на все мои убеждения и агитацию, вместо того, чтобы спускать груз на себе, мешки спускаем веревкой..."

Все. Привычки классической тактики таскания мешков оказываются сильнее нас.

Что такое 13 мешков? В любом случае уже много, так как на кого-то из нас приходится целых 3. Если же учесть, что последнему в группе, спускающемуся по одинарной веревке, навешенной на корделеттную шайбу (*128) – и вовсе с мешками не резон связываться, то нагрузка на остальных еще более возрастает. Ладно, но возьми каждый при спуске по отвесу хотя бы по 2 мешка – вниз ведь, не вверх! – и скорость все равно значительно возрастет.

Нет – ехать вниз с мешками психологически трудно, непривычно. Куда проще кажется спускать их веревкой.

Так и делаем, а темп продвижения резко падает. Мы продолжаем коллекционировать собственные ошибки, но самое интересное у нас еще впереди.

* * *

Итак, нас шестеро. Резван делает навеску на Гран При, парни скучают на площадке между колодцами, а мы с Кесом приступаем к продергиванию шнура на 20-метровом колодце со щелью.

Кес привязывает шнурок к концам веревки. Тянем. Сначала все идет нормально. Вербка проходит вся, повисает на шнуре и... вдруг застревает.

Пробуем осторожно тянуть в другую сторону. Не идет. Потеют ладони.

Смотрим друг на друга. Попробуем еще? Больше нам все равно ничего не остается.

После очередной попытки шнурок где-то наверху лопается и вместе с веревкой с шелестом падает к нашим ногам...

Откуда-то подступает произвольная нервная дрожь. Сознание раздваивается – одна половинка холодно и трезво оценивает ситуацию, вторая – не верит.

Мы отрезаны от поверхности!

Что же произошло?! ...

* * *

Маленький экскурс в суть проблемы.

Для продергивания в корделетте используется особым образом подготовленная веревка. На концах ее сдвигается на полметра защитная оплетка, обнажается сердцевина, которая мысленно делится на три равные части по длине. В первой части, считая от конца, вырезается две трети волокон сердцевины, во второй –

одна треть, так что толщина веревки теперь убывает к концу. Оплетка возвращается на место, вытягивается и самый кончик заплетается косичкой в 3-миллиметровый по диаметру хвостик. Такая заделка конца корделеттной веревки так и называется – "змеиный хвост".

Зачем я все это Вам рассказываю?

А вдруг пригодится.

Для чего такие мучения? А для того, чтобы, привязав к "змеиному хвосту" корделеттной веревки шнур, не получить большого узла, имеющего отвратительную привычку при перетягивании застревать в самых неожиданных местах, в том числе и в карабине на самом верху колодца.

Правда, просто карабины мы не использовали. Чтобы предельно снизить трение в точке продергивания, мы оснащали карабины специально изготовленными миниатюрными блок-роликами.

Перед спуском последнего участника на конец веревки надевается уже упомянутая алюминиевая шайба, которая не проходит через блок, фиксируя веревку в одном направлении и позволяя сдернуть ее в противоположном.

Концы шнура привязываются к обоим концам веревки так, что образуется замкнутое кольцо, которое перетягивается через блок-ролик или карабин на верху колодца до тех пор, пока вместо веревки в колодце не останется висеть сдвоенный шнур.

При всех этих операциях главное – не запутать шнурок.

Теперь отвязываем веревку, концы шнура связываем между собой в кольцо а ветви получившегося кольца разводим подальше одна от другой.

Все. Трасса готова для возвращения.

Конечно, это не единственно возможная схема работы. Для продергивания шнура используются и более рискованные устройства, например, самосбросы Пьера Алена, Виталия Абалакова и другие. Конструктивный принцип простейшего самосброса предельно прост – это достаточно прочный крючок, зев которого перекрыт мощной резинкой. Пока нагрузка на самосброс есть, он надежно висит на карабине. Но стоит нагрузке ослабнуть – резинка резво сбрасывает крючок с карабина, а там хоть трава не расти!

Более сложные самосбросы приводятся в действие дополнительным шнуром и представляют собой вариант коромысла с крючком посередине.

В таком вот аспекте.

Разобрались? Желаем успеха!

* * *

И вот... отрезаны!

Колодец оставляет нам шанс – его строение, в принципе, допускает возможность подъема лазанием. Если бы не щель на самом верху...

Быстро и молча готовим для восхождения крючья, закладки, шнуры – всю возможную "кузню". Посмотреть на нас со стороны – так будто ничего и не произошло. Подняться по колодцу вызывается Кес – лучший среди нас скалолаз. Данюнас страхует, я – обеспечиваю.

Сергея медленно начинает подъем. Мы молча стоим все вместе, только Эрик Лайцонас пошел к Гран При на связь к Резвану. Наш руководитель все это время находится в счастливом неведении относительно событий, разворачивающихся в арьергарде. Правда, у него хватает своих хлопот – сброшенные в Гран При веревки, естественно запутались (сколько лет мы тупо сбрасывали веревки вниз, вместо того чтобы ... ну, да потом об этом). Так что теперь Володя сражается с "бородой" где-то в средней части "шестидесятипяти".

Ждем. Мы ничем не можем помочь Кесу. Даже страховка, которую внимательно выдает Раймис, пока не забит первый крюк – сейчас не эффективна. Кто пробовал забивать скальные крючья под землей, понимает, что найти для этого подходящее место весьма и весьма проблематично...

Но Кес находит трещину и, наконец, забивает первый крюк. Вот он прощелкивает страховочную веревку и продолжает подъем. Слышно как он шуршит комбинезоном по стене. Жутковатый это шорох. Исподволь жду срыва и постоянно гоню эти мысли.

Сергея сообщает, что вышел на полочку. Это метрах в 13-ти выше нас.

Что такое 13 метров? Не звучит. А вот скажешь: "на высоте четвертого этажа" – как-то сразу впечатляет.

От этой полочки до верха колодца остается метров семь. Пустячок в пару этажей. Но ведь там эта щель...

Отправляю Сереге шнуры для организации точки страховки. Кес вяжет петлю на скальный выступ, пропускает страховочную веревку, снова идет вверх. Его снизу не видно, только слабые отблески света где-то вверху.

Скрежет. Тишина. Как вечность.

– Вышел!

Ощущение такое, будто глубокий вдох после удушья. Резко отлегает от души. Ну, и что же случилось?

Всему причиной оказался дефект блок-ролика: шнур попал в щель между роликом и щечкой, застрял и был нами оборван.

Все, натерпелись! В этом колодце корделеттом мы больше не балуемся. Но что делать? Ведь у нас не предусмотрена здесь стационарная навеска?

"К счастью", пещера на нашем пути буквально битком набита брошенной кем-то веревкой. И мы продолжаем городить ошибки одна на другую.

Недолго думая, выбираем более-менее приличный с виду кусок веревки и навешиваем на злополучный колодец.

Что ж, сначала, не глядя, используем неисправный блокочок – не в колодце же он сломался! Теперь вешаем подобранную с полу веревку как одинарную.

Нормалек.

Как говорится в одной ненаписанной песне:

"С пустой башкой по свету

Куда как легче прыгать..."

* * *

Если не считать, что Резвану понадобился час, чтобы распутать веревки, Гран При проходим без приключений.

А запутывать веревки – у нас запросто. Знаете, как это лучше всего делается?

Берешь в руку – сколько пальцев хватит, колец веревки, (можно и всю бухту), и зашвыриваешь всю эту ерунду в колодец. Только свист! И вторую веревку тем же путем.

Вот трос сбрасывать – это мы себе уже не позволяем. Трос протягивает первый спускающийся участник – его просто страхуют сверху тросом. Это к слову.

Итак, проходим Гран При и влетаем в каскад мелких уступов (после Гран При все кажется каким-то маленьким!). Долго и нудно – веревкой – спускаем по этим уступам мешки.

– Ну почему бы их ни спускать на себе? – ворчу я. – Прицепил к рогатке пару-тройку штук и езжай: вниз – не вверх! Да и отвесы небольшие, метров по десять всего. Нет же...

Сам я, спускаясь последним, продемонстрировать верность своим новым принципам не имею возможности: когда подходит моя очередь спускаться – все мешки уже внизу. Да и не лежит моя душа, если честно, к спуску с мешками по одинарной корделеттной веревке – парни все-таки идут с самостраховкой...

* * *

Новая беда – все больше убеждаемся, что крючья, забитые предыдущими экспедициями, для динамической техники абсолютно не подходят. Местами крючьев нет вообще – следы навески говорят о том, что веревку крепили за что придется вдалеке от отвесов.

Вот так штука! Но что делать? Если начать, как полагается, бить свои крючья, мы рискуем и вообще не сдвинуться с места...

Тогда мы еще не были психологически готовы забивать десятки шлямбурных крючьев за одну экспедицию, да и не имели надлежащих снаряжения и навыков.

Хорошо, что пещера буквально завалена брошенной кем-то веревкой. Из нее делаем длинные вспомогательные петли, чтобы вывесить в нужное место в начале отвеса наши блок-ролики. Иначе шнур будет задевать стены, что грозит новыми осложнениями.

Смешно! Пещера, а мы умираем от жажды.

Наконец, появляется вода – под уступами капель бьет в небольшие лужи.

Жадно пьем и идем дальше.

Приходит мысль, что вместо того, чтобы обвязывать глыбы локальными петлями для передергивания шнуров – проще попросту навесить эту же веревку как рапель и по ней спуститься. На этих 10-12-метровых "ступеньках" по длине выходит почти то, что нужно.

Еще один сыпучий уступ. На взгляд – метров 10-11. И некуда повесить шнур – стены сыпучие, летят камни, узко и всюду сплошное трение.

Не-ку-да! Посоветавшись, стационарно вешаем найденную тут же веревочную соплю...

Совесть и страх нас уже не мучают. Наверно, передохли от голода.

Спускаемся, и вдруг сразу следом за тем гнилым – еще один уступ, метров 6-7... а его и в помине нет на нашей карте!

Но все "схвачено". И в ход опять идет "трофейная" веревка.

* * *

Фактически мы уже сломались. Мы уже не стремимся выполнить поставленную задачу, а просто рвемся вперед... Если можно так назвать это черепашее переползание с грудой транспортных мешков. Мы сломались морально и вымотаны физически. Только под землей мы уже работаем без сна и полноценного питания почти 20 часов – а ведь мы начали спуск не сразу, как проснулись. Правда, по нашим понятиям это вполне нормально для экспедиции такого уровня. Но нормально ли это для наших организмов? Мы стараемся не обращать на них внимания.

Мы сломались, но не признаемся в этом себе и другу другу. Мы не новички в пещерах (весь состав инструктора спелеотуризма) и умеем выживать в этих условиях. И не только выживать, но и заставить себя выполнять необходимую работу. Но из всех задач сейчас осталась только одна – дойти до запланированного места, прервать на время наше изнуряюще медленное занятие и сварить чего-нибудь горячего да побольше. Не до корделетта, будь он...

О том, что спускаться еще метров 200, стараемся не думать. До Магнитного зала, где запланирована ночевка, еще ой-ой-ой!

А пока снова втыкаемся в какую-то щель. Распределяемся цепочкой, веревкой и в перекидку протаскиваем через щель мешки. Они постоянно застревают. Стою на узенькой полочке над следующим уступом, забившись боком в узость, чтобы не упасть. Сверху веревкой спускают мешки, но я даже дотянуться до них толком не могу. Вытаскивая мешки из щели одной рукой, напрочь выбиваюсь из сил. Очки заляпаны глиной, мне нечем их протереть и я ничего не вижу: я весь покрыт этой жидкой гадостью. Полуслепота выводит меня из себя, о чем я и сообщаю пещере со всей живостью, на которую у меня еще хватает сил...

Слава Пещерному Богу, внизу очередного уступа течет ручей, и я получаю возможность промыть очки.

* * *

К 11.00, на исходе суток работы, мы на площадке -430, где довольно приличное место для подземного лагеря. Но нам надо спуститься еще на 100 метров – такова тактическая задача, поставленная нами самим себе.

После такой работы, извините, жрать хочется, как из ружья. Но, увы, варим только чай и обходимся перекусом, правда, с изрядной порцией шоколада. Идут вторые сутки нашей непрерывной работы в пещере...

Видать, не совсем мы еще сломались, если нас хватает на то, чтобы вторые сутки подряд соревноваться с самими собой в количестве совершенных глупостей и тактических просчетов!

Четыре часа проводим мы на этой площадке, пытаюсь набраться сил для дальнейшего движения. Кое-кому удастся даже покимарить, но недолго, так как стоит немного расслабиться и задремать, как тут же начинаешь мерзнуть и впадаешь в состояние жуткого озноба. Так что делать нечего – надо идти.

В изрядно отупевшем состоянии, волоча за собой мешки, почти сразу за местом стоянки мы втягиваемся в вертикальный лабиринт и немедленно сбиваемся с верного пути.

Лабиринты бывают разные. От знакомых с детства нарисованных на бумаге, до таких, в каком сейчас безуспешно ищем дорогу мы. Горизонтальный лабиринт представить себе довольно просто: ходы, перекрестки, развилки... Перед нами совсем другая картина. Мы находимся в сплошном вертикальном разломе неизвестной глубины. Стены то сходятся в узкие едва проходимые расщелины, то расходятся так, что того и гляди провалишься в тартарары. Под нами – черная пропасть (*129).

Но мы не осознаем этого до тех пор, пока Ткачев случайно не сбрасывает вниз камень. Тот уходит вниз и, вместо того чтобы шлепнуться на дно предполагаемого меандра, устрашающе долго грохочет где-то далеко внизу. Оторопело смотрим друг на друга. Кто-то предлагает навесить перила, но веревки и сил на это нет. Заклиниваясь на распорах над бездной, передаем друг другу мешки, ищем проход. Тыкаемся то вверх, то вниз. Скалы, черные расщелины, распоры...

Торопимся, время идет, а пути нет. Мы уже как сомнамбулы. В конце концов, видим следы какой-то навески. Резван наудачу спускается в эту бездну метров на 50, но не достигает дна. Мы слышим, как он грохочет там камнями, и эхо гулко гуляет где-то под нами – там огромная пустота. Потом он целый час поднимается, а мы сидим в щелюге и ждем. Все на пределе. Если бы не усталость, наверно, мы переругались бы между собой. Но сдерживаемся. Ясно одно – надо возвращаться на знакомую площадку -430.

И мы возвращаемся. Мы не прошли...

* * *

Самое сложное – вот так, после неудачного дня, после 31 часа работы без сна с пародиями на отдых, когда все твое естество просит только одного: упасть, приткнуться куда-нибудь и спать, спать, спать! – после всего этого заставить себя еще часа три-четыре шевелиться, чтобы поставить подземный лагерь и обеспечить маломальские условия для ночевки. Потому что некуда здесь приткнуться – всюду вода, глина, холодный мокрый камень и ветер, выдувающий последнее тепло из измученных наших тел.

Наконец, мы опять на площадке -430, но на этом наши мучения не кончаются. В этой экспедиции мы с дьявольской изобретательностью постарались устроить себе экстремальные условия во всем. Мало нам корделетта – мы и с базой расстарались. Вместо привычных палаток, нам предстоит забить в стены крючья и навесить гамаки. Ладно бы просто навесить! Нам еще предстоит спать в этих гамаках. Причем без спальных мешков, которые мы не взяли, уповая на свои костюмы из нитрона (*130). Мы очень рассчитываем на эти свои костюмы и идем в Напру в одних брызговиках – без гидрокостюмов. Пока воды практически нет, но нам еще предстоят обводненные щели в завале за Магнитным залом.

Одна психологическая накрутка за другой, Многое было накручено в той экспедиции 84 года.

Не стану описывать прелести нашей гамачной ночевки – об этом можно написать отдельный трагикомический рассказ.

* * *

После "отдыха" мы без труда нашли проход над "Первыми штанами", на поиски которого накануне, находясь в полубредовом состоянии крайнего утомления, потратили более 8 (!) часов.

Но спуститься глубже полукилометра нам так и не было суждено. Неудачи, казалось, преследовали нас. Причем калибр их явно возрастал раз от разу. В следующем за вертикальным лабиринтом Первых штанов 40-метровом колодце, на спуске в грот Рака, происходит авария с Раймисом, которая чуть не окончилась трагично. Но об этом потом. Как бы там ни было, но этот случай оказался последней каплей, и мы, вняв, наконец, увещаниям Судьбы, отступаем.

Говоря о том, что мы сломались, я всегда вспоминаю упорство Володи Резвана. На этом упорстве, как на горючем высшей пробы, работал мотор нашей экспедиции. Резван всегда собирал в свои команды людей очень неординарных. Работать с такими людьми всегда приятно и... тяжело. Не обладая титаническим здоровьем, Резван имел несокрушимую волю, какой не было у иных атлетов от спелеологии. Каждый из нас, рядовой экспедиции, мог иметь свое критическое мнение, и только Резван выражал нашу суть, идею и задачу – нас, как экспедицию. И стремился вперед, невзирая на не меньшее, а то и большее утомление, необходимость объединять всех нас в единое целое, и гораздо более серьезный, чем у нас, гнет приоритетов.

Тогда же, на последней ночевке под землей, под гамаком у Кеса родились эти строчки:

Капли бьют в гамаки,
И свечей огоньки
Чуть качаются.
Наш последний привал

Навесу среди скал
Неужели кончается?
Мы выходим назад,
Каждый рад и не рад –
Ждет нас солнце над Напрою.
Оплывает свеча...
Разве скажешь сейчас,
Что тут больше – печали иль радости?

Мы хотели дойти...
Да, хотели дойти!
Не дошли. Так случается.
Вот и кончилось все...
Разве кончилось все?
Разве это кончается?
– Эй, дружище, проснись!
Видно, трудные сны?
– Пустяки. Что-то с нервами.
Да, не все мы прошли.
Но ведь были и мы
В чем-то первыми!

Капли бьют в гамаки...
Лишь удачи легки
Мимолетные.
Разве сможем забыть,
Как дрожали шнуры
Корделеттные?
Мы хотели дойти.
Да, хотели дойти!
Не дошли. Так случается.
Льет по стенам вода...
Мы вернемся сюда,
А пока, лишь пока возвращаемся.

* * *

Что нас гонит вниз? И что потом торопит вернуться? Необычайная ясность мысли на глубине в толще скалы вдалеке от привычной жизни? Простота и четкость цели, чистота отношений? Здесь все конкретно и контрастно – без полутонов, так опостылевших на поверхности. Здесь что-то от давно утраченного юношеского максимализма и бескомпромиссности. Здесь истинно мужской труд и усталость. Выпуклость и отчетливость жизни и смерти, тропка по грани, на самом острие ощущений. И самоуважение от свершенного, и вечная неудовлетворенность поиска. И борьба – не с себе подобными, что неизбежно приводит к унижению одной из сторон, чтобы там ни утверждали апологеты чистого спорта. Борьба с собой и азартная игра с силами Природы. Природы, которую нельзя победить без ущерба для нее и, в конечном счете, для себя. Ее можно только уничтожить, что постепенно и делает человечество.

Потому что, переделывая природу, – ничего не сохранишь.
Сохранить можно, только приспособляясь.
Простите за невольный пафос.

* * *

Наш корделетт еще не кончился. Напра нехотя выпускает нас из своего нутра, примериваясь, чем бы еще напакостить напоследок. Свернув лагерь на –430, вот уже 12 часов тащим мешки вверх ко дну 38-метрового колодца. Как бы сказал мой друг Леа Казеннов: "12 часов – и 150 метров как ни бывало!"

Поднимаем последние мешки на колодец со щелью. Пещера бессильно, но болезненно отрывается.

Строчки из дневника:

"Поднимаем груз на 20-метровом колодце. Эрик с Раймисом вышли на самый верх, я поднялся на полку, Резван цеплял мешки. Устроился на полке, пристегнулся на самостраховку за проушину в скале, зажег свечу. Периодически раздаются

остерегающий крик Раймиса и сверху летят камни. Каждый раз вжимаюсь на своей полке, придерживая каску руками, стараясь весь съежиться, сжаться, скрыться под ее полями. Снова слышу крик:

– Камень!

Черт меня дернул не просто придерживать каску, а как-то совершенно по-детски прикрыть голову-каска руками. Камень бьет в каску слева и приплющивает к ней мой опрометчиво высунувшийся палец. Звон, грохот, искры из глаз. Ух, и больно же получилось!..

Двойка наших прибалтийских друзей оставляет нас с мешками и поднимается на -280, чтобы приготовить к нашему приходу что-нибудь съедобное. Мы тащим в перекидку мешки и вдруг замечаем, что видимость начинает резко ухудшаться. Знакомо запахло гексой. Ясно, что ток воздуха сносит угарный дым кухни в завал, по которому мы сейчас пробираемся, – а парни, видно, не жалеют сухого спирта, который при неполном сгорании может привести нас к нешуточному отравлению.

Лезем с Вовкой по узостям меж глыб, перекидываем и пересчитываем мешки, дышитесь пока ничего, но видно не дальше вытянутой руки. Кончается это тем, что мы теряем ориентировку в завале и начинаем на чем свет костерить наших кочегаров, призывая их на помощь. Нехотя и недоумевая, первая двойка приходит к нам на помощь – наши вопли их сильно озадачили. Как оказалось, на площадке перекуса атмосфера самая нормальная и трудно было представить, что буквально в паре десятков метров мы с Резваном ни черта не видим и задыхаемся..."

* * *

Наш корделетт еще не кончился. Привал на месте базы "-280" под 38-метровым колодцем. Жуем невообразимое месиво из всех наличных видов концентратов. Кое-кто кимарит под полиэтиленовым колоколом, а мне уже не сидится. Меня разбирает жажда. Жажда солнца. Я уже так хочу наверх! Ни до, ни после этой экспедиции я не испытывал с такой силой этого чувства.

Мне не просто хочется наверх: до жути хочу выйти именно днем. Чтоб было солнце, и бездонно-синее небо, и все великолепие гор и моря под нами, с выступающим далеко-далеко справа контуром мыса Пицунда. Нет – море не под нами. Его горизонт фиолетовой дугой рассекает небо на уровне наших глаз. Этот гигантский сине-фиолетовый шар – выше самых высоких гор...

Пора, пора идти! Жажда солнца будто придает мне сил, и, движимый ею, начинаю тормозить парней. Нам еще предстоит продернуть веревку на самом большом из колодцев, где мы отважились повесить шнурок. Пока остальные собираются, не спеша, но внутренне волнуясь, приступаем с Кесом к этому ответственному делу. От того, удастся ли нам вернуть на колодец веревку, зависит, будем ли мы продолжать подъем или нам суждено сидеть тут под колодцем в тоскливом ожидании помощи вспомогательной группы. Есть от чего волноваться!

И вот – тянем. Осечка! Вербка поднимается метров на 20 и застревает. Опять? Пробуем вернуть ее назад. Сначала и это не получается, но потом что-то там, наверху, проскакивает, и шнур возвращается в исходное положение. Уф-ф! Попробуем еще раз.

Резван смотрит на наши с Кесом манипуляции и, похоже, переживает больше нас. Серега мне подмигивает: смотри, мол, начальник волнуется! Я киваю и тоже смеюсь. Но шутки-то плохие. При одной мысли, что здесь придется ставить базу и ждать помощи, становится дурно.

Пробуем еще, потом еще и еще. Вербка не идет. Хорошо, что у нас здесь не 3-миллиметровый крученый шнурок, как на злополучной "двадцатке", а стропочка-тесма. Ее не так-то просто порвать. Когда мы уже почти теряем надежду выпутаться из этой ситуации, веревка вдруг – ура! – продергивается противоположным концом. Надежно ли она зафиксировалась наверху колодца? Снова начинается моя нервная работа на одинарной веревке. На больших отвесах веревка сильно растягивается и при каждом шаге ощутимо трется о скалу. Как могу осторожно, поднимаюсь, и только когда сажусь верхом в "седло" на вершине стены, перевожу дух. Никогда не думал, что 40 метров – это так много...

Прорвались!

* * *

И начинается неритмичный дерганный выход на поверхность. Движение нашей группы здорово смахивает на ход червяка-шагомера: мы то стремительно растягиваемся по пещере, то мучительно долго собираемся в кучу. Пока есть свободные веревки, мы с Кесом мчимся вперед семимильными шагами, продергиваем

шнурки, вешаем веревки, махом поднимаемся на колодцы. Но вот корделеттные веревки кончаются, и баста! До посинения торчим на уступе под очередным колодцем, ожидая подхода всей группы и подъема всех мешков. Подносят снятые с нижних колодцев веревки, и снова – банзай! – рывок вперед. То, что прошло почти незамеченным на спуске, сейчас выпирает со всей очевидностью: техника шнура – это удел одиночек. Такой "шалман", как у нас, шнурками не продернешь!

Мы идем медленнее, чем могли бы идти при нормальной двухопорной технике. Вот вам и корделетт!

Ну, как не вспомнить стихотворный песенку-памфлет на тему техники шнура, родившийся в этой экспедиции?

Строчки из дневника:

"25 сентября 1984 года.

Сию на вершине Напры с видом на кровавый закат и пишу.

Мы только что завершили нашу корделеттную экспедицию, выбравшись из одноименной вершине пещеры, а по пути испытав великолепные по насыщенности и разнообразию ощущения. Суть их коротко – в песне.

Мне подсказал однажды кто-то мысль чудесную:

Зачем веревки, карабины, мол, и лестницы?

Нырнул в колодец, снял веревку и привет.

Буржуи это называют – корделетт!

Эх, знал бы я – за кучу бы монет

Не стал бы пробовать тот самый корделетт!

Его спросил тогда – эт все, конечно, здорово,

А как же быть, когда назад подняться в пору бы?

А он сказал – берешь и вешаешь шнурок.

Шнурка навалом, запасайся впрок!

Ох, жрать охота, просто мочи нет,

Вот до чего довел проклятый корделетт!

Ведь я попробовал, я с детства был лихой.

Зачем буржуям заниматься чепухой?

Я взял шнурок, веревку взял одну

И в Напру ринулся ко самому ко дну.

Ну, если вынут, и натру ж тому портрет,

Кто подсказал мне это слово – корделетт!

Я вниз сбежал отлично, нет дилем.

Шнурки, шнурки и никаких проблем!

А вот когда подняться захотел,

Шнурочек бздынькнул и в колодец улетел!

Вот тут и понял – влип я в переплет...

Чтоб провалился этот самый корделетт!

Я рвал шнурок, зубами грыз его,

На стенку лез – не вышло ничего,

И вот теперь я на уступчике сижу,

Сижу, дрожу и очень матерно твержу:

Нет, его, гада, надо точно расстрелять –

Ну, и придумал же едрену корде...лядь!"

** * **

Все это было потом, и горы, и неправдоподобно красный закат над морем.

А пока мы в пещере, и я спешу. Я хочу на солнце! Время неумолимо тикает у меня на руке. По закону Всемирной Подлости корделеттные веревки кончаются у нас в тот момент, когда нам с Кесом остается продернуть единственный – последний перед выходом на поверхность, корделеттный 15-метровый колодец! Благо, кажется, наши на этот раз отстали недалеко... Но почему их так долго нет?

Снова задержка. Последняя наша двойка заблудилась в узкой щели на дне предпоследнего 30-метрового колодца. Парни не заметили подъем наверх, пошли низом и воткнулись в такую узость, где и кошке не пройти. Пока выцарапались – потеряли силы и темп. Настроение группы падает. Немудрено – мы снова не спим уже

почти 20 часов. В арьергарде кое-кто начинает поговаривать о том, что неплохо бы разбить прямо здесь базу и отдохнуть.

Какой, к черту лагерь? До земли полторы сотни метров... Я так хочу к солнцу!!!

Но деваться некуда, приходится идти на компромисс и устроить перекус у колодца: трое наверху, трое внизу. Наскоро жуем шоколад с изюмом и мерзнем. Долго мерзнуть не приходится – пайка, как всегда, слишком мала.

Начинаем выдергивать мешки из колодца, и быстро согреваемся. У нас на шестерых уже 14 мешков, больше, чем на спуске!

Иногда у меня закрадывается подозрение, что мешки потихоньку от нас размножаются там, в темноте пещеры. Да и как им не размножаться, если нас одолевает жадность, и мы пытаемся вынести из пещеры всю найденную нами здесь веревку?

Что там фраера стубило? Совершенно верно.

Мешки застревают где-то внизу, и Ткачев бешено рвет их веревкой.

А над душой висит последний корделеттный колодец. Вот сейчас проклятый шнурок лопнет и пойдут насмарку все наши старания...

Но Судьба сжалилась над нами. А может, ей наскучило строить нам козни. Так или иначе, но – шнурок послушно втаскивает на колодец последнюю веревку. Путь наверх открыт! Теперь только лазание и никакого корделетта! Так бы и улетел наверх летучей мышкой, к солнцу, которое все еще плывет над Землей...

Но не тут-то было. Наверху этого колодца мы снова вынуждены собраться все вместе. Мы только и делаем, что ждем кого-нибудь или собираемся всей группой. Это наша очередная тактическая ошибка – сбор всей группы вместе всегда приводит к большим потерям времени: сначала первые ждут отставших, а затем последние ждут своей очереди подниматься по отвесам – веревки-то заняты!

* * *

Таает моя надежда увидеть сегодня солнце. Еще не поздно, еще есть время. Солнце! Если сейчас все бросить, то часа через два мы будем купаться в его золотых, багряных на закате лучах...

А кто будет тащить груз? Мысль о том, чтобы вернуться сюда еще раз за оставленным снаряжением кажется ужасной. Нет, все будем делать сегодня. Снова растягиваемся по уступам. Теперь иду последним, прицепляю мешки к веревкам, и мерзну. От курева уже болит язык. Прячусь от камней, периодически щелкающих из темноты. Но как-то вяло прячусь...

Мы все уже давно отупели от усталости.

...Что-то долго нет веревки сверху. Жду ее, стоя с ручным фонарем: экономлю налобный свет для вертикальных участков. В чем там дело? Поднимаю голову...

Из темноты на меня несется бесшумный рыжий комок, рассыпается. Удар по лицу хлесток и тяжел. Откачиваюсь, чуть не падаю. Жгучая боль в носу. Постепенно начинаю понимать, что произошло. Сбросили веревку молча! Без команды! Ору вверх что-то яростное и бессвязное. Потом цепляю очередной мешок в мотающийся на уровне глаз проклятый узел. Вира! Отхожу в сторону и плачу. Плачу, как мальчишка, горько всхлипывая, заливаясь слезами. Кажется, что нос растет, как баклажан. И так мне больно, так себя жалко, обидно и... так хорошо, что я плачу. Все это пустяки. Просто выплескивается напряжение штурма: все эти шнуры, гамаки, одинарные веревки...

С трудом успокаиваюсь. Мешки все. Нос, кажется вернулся в исходное состояние. Поднимаюсь на колодец лазанием в обход навески и – здрассте! Вся компания в сборе: мужики опять заблудились. После нокдауна и встряски голова моя работает отлично, и даже будто сил прибавилось. Выхожу вперед и сразу нахожу нужное направление. Теперь мне на ум приходит другое сравнение: наша группа движется, как пелетон велогонщиков. Периодически кто-то лидирует, разгоняя группу, затем откатывается на последнюю позицию, прячется в ветровой тени, отдыхает, прикрытый спинами товарищей.

Снова приходит мой черед лидировать. Пролезаю противное "очко" над 4-метровым уступом, принимаю мешки. Вперед!

* * *

А мы уже не выйдем на солнце...

Все замерзли. До земли еще метров 80, а время... К черту время! Теперь уже неважно. Выползаю из последнего большого 24-метрового колодца. Наконец, можно снять сбрую, все эти опостылевшие железяки, ремни, стремяна. Как хорошо!

Тянем мешки. Мы не спим уже 34 часа. Мы уже хороши и двигаемся, как механические манекены.

Тянем мешки... Продолжаю идти первым. Снова завал. Продираемся по узким ходам меж камней. Глыбы качаются, или это мы качаемся от усталости? Нет, глыбы... Одна, по-моему, так и дрожит от нетерпения свалиться кому-нибудь на голову...

Не дождется!

Тянем мешки. Все невольно посматривают вперед – где же последние маленькие навесочки? А их все нет.

... Краем глаза вижу слева веревку. Вижу ее и... боюсь поверить. Может быть, я ошибся, и это совсем другая веревка?

Нет! Веревка та. Это последняя навеска – последние шесть с половиной метров до поверхности. Наверху ночь, и поэтому заветный выход кажется всего лишь очередным колодцем этого бесконечного каскада.

Пропускаю вперед Раймиса, который без веревки, напрямую, лазанием спешит мимо меня к свободе. Поднимаюсь следом, но не выхожу совсем из воронки, принимаю мешки, потом меня сменяет Резван.

Тепло. Ярчайшие огромные звезды над входной воронкой. Цепляясь за траву, выбираюсь на край. Нет слов, нет сил. 28 часов работы, 38 часов без сна... Под ногами, вдали, моя мечта, ставшая реальностью: огни черноморского побережья, бесконечность ночи, бездонность неба...

Ложусь лицом в траву. Она сухая и пахнет пылью. Мужики тенями появляются из воронки, ложатся рядом.

Лежим все шестеро лицами в небо. Вдруг до моего слуха доходит посапывание. Все спят. Только мы с Ткачевым молча курим.

Над Напррой космическая тишина.

* * *

Так закончилось еще одно исследование возможностей динамической техники шнура (*131). Закончилось, в общем-то, закономерно. Лавры Пенеса и Курбона, блеск их сольных проходов Гюффе Берге и Пьер-Сен-Мартен (о которых мы поведали ранее), настолько затмили нам глаза, что мы не приняли во внимание одну маленькую, но существенную деталь: еще раз повторюсь – их достижения были СОЛЬНЫМИ!

Корделетт – это далеко не кордебалет!

Но если понимание этого момента пришло еще в ходе напрянской эпопеи, то многое другое открылось значительно позднее. Например, то, что западноевропейские корделеттные штурмы совершались на базе прогрессивной, принципиально отличной от нашей, техники прохождения вертикальных пропастей – техники одинарной веревки. Освоить динамическую технику на основе применяемой у нас в то время псевдоклассической двухопорной трос-веревочной техники, было равносильно попытке построить капитализм в первобытнообщинном обществе. Минувя все промежуточные фазы развития. Что ж, вполне по-советски: бац-бац, и в дамки!

История недвусмысленно показывает, что "большой скачок" всегда заканчивается в большой луже. Так получилось и у нас.

Кто это сказал: "Вошли в пещеру, как три богатыря, а вернулись – как три поросенка"?

Но опыт никогда не бывает бесполезным. Мы вернулись из Напры, обогащенные знанием.

А еще остались воспоминания и песни:

Когда уже совсем не в мочь
Ташить мешки через распоры,
Чертить лучом пещеры ночь
И пузом чистить шкуродеры,
Навесив каждому гамак,
И оглядев его сурово,
Собьемся в кучу, как всегда,
Под гамаком у Киселева.

Здесь мы разводим гексогаз,
И, поминая маму-папу,
Мы с котелка не сводим глаз,

Ловя ноздрей волшебный запах.
Дыра куда-то дальше прет,
Срывая с уст дурное слово,
И машет ложками народ
Под гамаком у Киселева.

Спать в гамаках – совсем не мед.
Взбираться в них – еще хреновей:
Взобрался, вроде, Киселев,
Глядь – почему-то лезет снова!
Бьет колотун со всех сторон,
Вода под зад, и сверху холод,
И погибается народ
Под гамаком у Киселева.

Та экспедиция прошла
И затерялась среди многих,
Другие дают нас дела,
Иные нас зовут дороги,
Но лишь учуем гексы дым,
Вдруг померещится нам снова,
Как будто мы опять сидим
Под гамаком у Киселева!

***122** Андрей Бизюкин и Таня Немченко возглавляли штурмовую группу и очень беспокоились о сохранности донных модулей!

***123** В целях сохранности донных модулей на верхнем участке пещеры: примерно до зала Победы на -700 м, возбранялось даже братья за мешочные ляжки – не дай бог оборвешь!

***124** **МАЗОХИЗМ** – вид сексуальных игр, которым присущи элементы самоистязания, описанный австрийским романистом Захер-Мазохом.

***125** **Д.А.Усиков**, из неопубликованного.

***126** **СТАНОК** – приспособление для переноски негабаритного груза в виде металлической рамы с ляжками и поясничным амортизатором.

***127** **Д.Мартинес** "По поводу техники "Корделетт", "Spelunca" № 2, Франция, 1979г., стр. 77-79.

***128** **КОРДЕЛЕТТНАЯ ШАЙБА** – небольшая дюралюминиевая шайба, надеваемая на верхний конец корделеттной веревки. Шайба не дает веревке проскочить через закрепленный на верху колодца блок или карабин, то есть при спуске последнего он всецело зависит от поведения этой весьма скромной с виду штуковины.

***129** Для тех, кто в курсе, мы бродили над системой Первых штанов.

***130** **НИТРОН** (синтепон) – нетканый иглопробивной синтетический материал, главной особенностью которой является способность быстро освобождаться от влаги: вода стекает по нитрону, оставляя верхнюю часть одежды абсолютно сухой, в то время как в сапогах, конечно, булькает.

***131** Мне кажется, что это была последняя корделеттная экспедиция в СССР, хотя до его развала оставалось еще 6 лет. О более поздних попытках мне не известно.

Константин Борисович Серафимов
"ЭКСПЕДИЦИЯ во МРАК"
www.sumgan.com